

Горы здесь чужие, воды — чужие, деревья и люди — тоже всё чужое. Отныне и впредь им предстоит жить здесь.

Те, кто подоспел следом, включая нескольких людей, с которыми они уже сталкивались, выходя из воловьей повозки, несли с собой немало пожитков. Хотя они уже мельком видели Чи Сюя и Цзин Юя, подойти и заговорить никто не решался.

— Голоден?

— Нет.

— Устал?

— Нет.

Его всю дорогу несли на спине, так что об усталости тела говорить не приходилось, однако на душе было по-настоящему тяжело.

Цзин Юй втянул носом воздух и, прислонившись к стене, опустил голову, разглядывая их тени. Солнце светило сбоку, и его собственная тень казалась совсем узкой, тогда как тень Чи Сюя была куда шире.

Он не понимал, зачем тому сдалось брать его с собой. Он лучше кого бы то ни было знал, что является обузой: ни работать не может, ни красотой не блещет. Совсем другое дело — Чи Сюй: крепкий, выносливый, работающий. Если бы тот захотел стать зятем в примаках, нашлось бы немало семей, готовых принять его с распростертыми объятиями, ведь такие работники на вес золота.

— Хочешь пить...

— Я не хочу пить.

Чи Сюй рассмеялся:

— А ты научился отвечать наперед.

Настроение у Цзин Юя было подавленным. Он слегка ухватился пальцами за край одежды на поясе Чи Сюя и потянул его к себе. Чи Сюй не понял, что тот задумал, но послушно склонил голову.

— Ты такой надоедливый, — тихо проронил Цзин Юй.

— Я же забочусь о тебе, — Чи Сюй, не меняя позы, пробормотал: — Кто же виноват, что ты вечно молчишь, как воды в рот набрал, ни про голод, ни про жажду ни слова.

— Отстань, не хочу с тобой разговаривать.

— Эй, ты еще и огрызаешься...

— Пап, я есть хочу.

Ван Чангуй холодно и равнодушно взглянул на Ван Сяоху и беспощадно покачал головой:

— Терпи. Как доберемся до места, будет тебе каша.

Ван Сяоху, учуяв доносившийся с улицы аромат лепешек, больше не мог сдерживаться. Каша — что в ней толку? Он снова заныл:

— Пап...

Ван Чангуй нахмурился и замахнулся, делая вид, что хочет ударить сына. Ван Сяоху вздрогнул и поспешно спрятался за спину матери. Чжан Хуэйлань, как наседка, заслонила ребенка:

— Малой еще, чего ты пристал? Чего злишься?

Ван Чангуй фыркнул и отошел на пару шагов в сторону. Неужели он сам не чувствовал запаха тех лепешек? Теперь, когда их семья из четырех человек оказалась в бегах — ни дома, ни земли, и неизвестно, что ждет впереди — конечно, приходилось экономить на всем. Если бы Ван Сяоху не подвернул ногу, а они сами не выбились из сил после долгого пути, они бы ни за что не потратились на воловью повозку.

— Там продают лепешки, хочешь? — Чи Сюй снова почувствовал, как внутри проснулся голод. С тех пор как они оказались здесь, жизнь не баловала. Самым вкусным, что он ел, была та миска вонтонов за пять монет, и хотя прошел уже целый месяц, он помнил тот вкус до мелочей.

— Хочешь — сам и ешь.

— Давай купим одну, попробуем, какая она на вкус?

Цзин Юй с раздражением ответил:

— Раз ты всё уже решил, зачем спрашиваешь?

— Значит, идем покупать. Я попрошу хозяина выбрать самую большую...

Лепешки в итоге они так и не попробовали. Чи Сюй успел сделать лишь пару шагов, как из уездной канцелярии вышел стражник и объявил, что ждать больше некого, поэтому их проводят на место прямо сейчас.

Их вместе с семьей Ван привели к просторной, но обветшалой усадьбе. Чи Сюй, выросший в мирное время и с детства привыкший к мысли о равенстве всех людей, не испытывал перед стражниками такого страха, как остальные, и, войдя в дом, даже разговорился с конвоиром, выведывая новости.

— Господин офицер, как же так, вы поселили нас в таком роскошном месте? В наших краях в

таких домах из синего кирпича под черепичной крышей жили только богачи-землевладельцы.

Стражник Чжоу, услышав обращение господин офицер, не сдержал усмешки:

— Зови меня просто стражник Чжоу. Какой я тебе господин? Служу в канцелярии, а настоящих господ ты и в глаза не увидишь. А с этим домом вам повезло: хозяин натворил дел, и имущество конфисковали. Это случилось лет семь-восемь назад. Раньше здесь жила довольно известная в Цзинчуане семья, да вот только они были замешаны в убийстве и якшались с разбойниками.

Услышав, что прежние владельцы были связаны с бандитами, семейство Ван вмиг побледнело. Им хотелось немедленно развернуться и уйти, чтобы искать другое жилье — сколько бы лет ни прошло, а оставаться здесь было как-то не по себе. Чи Сюй и Цзин Юй, напротив, ничего особенного не почувствовали: что бы там ни было в прошлом, теперь это уже не имело значения, бояться было нечего.

— В канцелярии все служащие — чиновники, большие или малые, — Чи Сюй, войдя в дом, выразил подобающее восхищение, не стал развивать тему дальше и спросил: — Стражник Чжоу, а беженцы, что пришли раньше нас, не здесь живут?

Стражник Чжоу кивнул:

— Там места уже не хватает. Тех, кто пришел первыми, расселили по окрестным деревням и городкам.

Пострадавший уезд был бедным, население небольшое, всего около тридцати тысяч человек. Беженцы не все устремились в Цзинчуань, в каждом месте оседала часть людей, а в Цзинчуань прибыла лишь тысяча человек, включая их, так что расселить всех было несложно.

— Обе семьи, выбирайте любые две комнаты и заселяйтесь. Позже придут и другие. Ежедневно в полдень и в час Петуха приходите на улицу Дунъань: там канцелярия и несколько богатых семей города будут раздавать благотворительную кашу.

Дав все необходимые наставления, стражник Чжоу, у которого еще оставались дела в канцелярии, поспешно удалился, оставив две семьи растерянно смотреть друг на друга.

<http://bllate.org/book/22452/2360392>